

английского исследователя Дж. Л. Феннела «Отношение иосифлян и заволжских старцев к ереси жидовствующих», мы можем обнаружить, что автор ее исходит в сущности из тех же взглядов, что и А. С. Архангельский. Он также считает, что Нил, в отличие от иосифлян, был сторонником «терпимости» по отношению к еретикам, и объясняет эту «терпимость» не только гуманностью, но и определенным сходством между взглядами Нила и еретиков: «претензия еретиков на право свободной интерпретации священного писания и их скептическое отношение к непогрешимости всех божественных писаний были логическим заострением критической позиции Нила относительно божественных писаний».²⁴ Вслед за русскими историками Феннел предполагает существование прямых и даже фамильных связей между еретиками и нестяжателями.²⁵

Советская историография впервые поставила вопрос о социальной роли учения Нила и его последователей, отказавшись от оценки иосифлянства как абстрактно-«консервативного» явления и нестяжательства как «либерализма». Уже Н. М. Никольский отметил, что вопрос о монастырском землевладении, «занимавший в сочинениях Нила второстепенное место, для тогдашних политиков выдвинулся на первый план и заслони собою основное положение Нила, созерцательность монашеской жизни».²⁶ «Стоит только слегка распахнуть монашеское одеяние любого из „нестяжателей“, как мы увидим под ним парчу боярского кафтана, — писал Б. А. Рыбаков. — Пытаясь отдалить нависающий призрак опричнины, боярин указывал путь к вотчинам „непогребенных мертвецов“».²⁷ Ту же мысль мы находим и в вузовском курсе «Истории СССР».²⁸ Об использовании учения Нила в качестве «орудия боярской политики» говорит и И. У. Будовниц, считающий самого Нила выразителем «монашеской патриархальной крестьянства».²⁹ Об этом же говорится и в «Очерках истории СССР»: «За религиозной оболочкой учения Нила Сорского скрывалась внутриклассовая борьба, направленная, в частности, против усиливающейся княжеской власти»³⁰

cephale. *Revue des études slaves*, t. XXIII, f. 1—4, 1947). Денисов считает консерваторами и ревнителями старины митрополита Геронтия и вместе с ним нестяжателей, а сторонниками нового — иосифлян. Но мотивировка такой переоценки оказывается у него весьма неожиданной и едва ли убедительной: новым и передовым в иосифлянах представляется ему их приверженность к католицизму, нетерпимость к еретикам и «такая политика, которая возлагает на церковь охрану порядка в догматических воззрениях (la police des opinions dogmatiques)» (стр. 84); у нестяжателей эти черты, по мнению автора, отсутствовали. Мы не будем разбирать здесь концепцию Денисова по существу; отметим только, что, несмотря на иные оценки, фактическая характеристика обеих групп остается у Денисова прежней: он резко противопоставляет друг другу иосифлян и нестяжателей, считая последних сторонниками снисходительного отношения к ереси.

²⁴ J. L. G. Fennell. *The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judizers*. *The Slavonic and East European Review*, v. XXIX, № 73, 1951, стр. 504.

²⁵ J. L. G. Fennell. *The Attitude of the Josephians...*, стр. 505—509. Некоторые из выводов Феннела основываются на предположениях, ошибочность которых была отмечена еще в дореволюционной науке (например, предположение о фамильных связях между Курицыными и Патрикеевыми; ср.: Н. П. Лихачев. *Разрядные дьяки XVI в.* СПб., 1888, стр. 87).

²⁶ Н. М. Никольский. *История русской церкви*. М., 1930, стр. 83.

²⁷ Б. А. Рыбаков. *Воинствующие церковники XVI в.* *Антирелигиозник*, 1934, № 3, стр. 24.

²⁸ *История СССР*, под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, т. 1. М., 1939, стр. 340.

²⁹ И. У. Будовниц. *Русская публицистика XVI в.* М.—Л., 1947, стр. 81.

³⁰ *Очерки истории СССР, период феодализма, кон. XV в.—нач. XVII в.* М., 1955, стр. 176.